7. Пригожин И. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках. М.: Наука, 1985. С. 252.
8. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. С. 16.
9. Васильева Л. Теория элит: социология политики. М.: Социум, 2011. С. 87.

S. N. Pocheboot, M. V. Pocheboot

SYNERGETIC APPROACH AS INNOVATION IN PHILOSOPHY OF SCIENCE

Concepts of synergetrics and synergetic approach are considered. Different views on concept of synergetrics are presented as innovation in philosophy of science. The comparative analysis of concepts «synergetrics» and «dialectics» is made.

Synergetrics, synergetic approach, synergetic process, innovation

УДК 811.111’22

О. А. Плахова

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ВОЗВЫШЕННОГО В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ

Категория возвышенного в англоязычном сказочном дискурсе репрезентирует процесс отвоевывания человеком свободы у окружающей природы. Он имеет вид открытой конфронтации между сказочной героической личностью и великаном или драконом (змеем), в основе которой лежат социальные факторы. Сущность возвышенного манифестируется набором вербальных и невербальных (натурморфный, артефактный, военный, соматический, мортальный, эзотерический и др. коды) знаков.

Английская народная культура, сказочный дискурс, мифологическое сознание, картина мира, лингвосемиотика, категория возвышенного, сказочная героическая личность, культурный код, языковой знак

Признание способности человеческого сознания наделять объекты и явления окружающего мира общественно ценными смыслами делает возможным трактовку основных эстетических категорий (эстетическое, прекрасное, безобразное, возвышенное и др.) с позиций экзистенциально-эстетического опыта. Значимые в ценностном отношении феномены осмысляются общественным сознанием, и представления о них закрепляются в отдельной культуре системой семиотических образований, относящихся к разным кодам. К семиотически насыщенным пространствам по праву относится народная культура, в которой аккумулированы и на протяжении столетий сохраняются древнейшие представления человека о микро- и макрокосме и их взаимодействии. В рамках настоящей работы предполагается осуществить дескрипцию 1) содержания категории возвышенного с онтолого-эстетических позиций, учитывая ее соотнесенность с архаическим мировидением, и 2) вербальных и паравербальных знаков, участвующих в англоязычном сказочном дискурсе в манифестации категории возвышенного.

Возвышенным называют эстетическое свойство объектов действительности, которые, с одной стороны, характеризуются положительной общечеловеческой значимостью, а с другой – таят в себе еще не освоенные человеком потенциальные силы. Овладение несущими угрозу силами происходит в ходе культурно-исторического развития человечества, в результате чего перед человечеством открываются новые горизонты и новые возможности для дальнейшего поступательного преобразования окружающей действительности. Именно овладевая силами природы, человек лишает ее пугающих черт, раскрывает ее подлинное величие и красоту, наделяя ее чертами не только возвышенного, но и прекрасного [1. с. 57–58].

Высокая степень несвободы архаического человека от окружающего мира и мучительно трудное отвоевывание для себя этой свободы находит отражение в образах культурных героев древних мифов. Культурные герои выступают создателями важнейших предметов культуры (огня, орудий труда), носителями культурных знаний (охотничьих приемов, правил возделывания земли, ремесел и искусств), установителями первых социальных правил и ограничений, ритуалов и праздников. Культурным героям приписывается участие в общем мироустройстве; в установлении небесных светил; в урегулировании смены дня и ночи, времени года; в формировании и воспитании первых людей [2. с. 656]. В народном художественном творчестве величие культурного героя преломляется в героическую человеческую личность, в которой в полной мере выражается возвышенное. Она является не индивидуальностью, но персонажем, в котором «в предельно обобщенной форме интегрированы возможности человеческого коллектива» [3. с. 287].

Чертами мифического культурного героя обладают сказочные персонажи, вступающие в противоборство с вредоносными сверхъестественными существами как зоо- и антропоморфными воплощениями неподдающегося контролю хаоса. Противниками сказочных персонажей, состоящих с ними в открытой конфронтации, выступают великаны и драконы (змеи).

Великаны во многих мифологических традициях сохраняют элементы космогонических функций. В скандинавской мифологической системе в основе мироздания лежит акт жертвоприношения первого живого существа – инеистого великана Имира: Из мяса Имира / сделаны земли, / из косточек – горы, / небо из черепа / льдистого йотуна, / из крови – море [4. с. 26–28]. Инеистые великаны, таким образом, являются первонасельниками мира; их появление предшествует возникновению и богов, и людей. Их потомки – йотуны – населяют Утгард, или Йотунхейм, находящийся где-то на севере или на востоке. Этот край в скандинавской космогонии считается чуждым, неосвоенным, хаотическим пространством, жители которого испытывают неприязнь и враждебность к скандинавским божествам. В англоязычном сказочном дискурсе великаны остаются воплощением преимущественно темного и разрушительного начала, противоборствующего началу социальному и созидательному. Перенос сказкой акцента с собственно мифологического аспекта на аспект социальный делает из великанов злоумышленников, нарушающих установленные обществом правила и предписания и попирающих социально значимые ценности.

Змеи и драконы относятся к существам хтонической природы. Их хтонизм достигает космических масштабов, вплоть до глобального противопоставления Земли и Солнца [5. с. 13]. Хтоническая природа змея связывает его с подземным миром мертвых и подземным мраком. В скандинавской мифологии к хтоническим чудовищам относится мировой змей Йормунганд, который в битве перед концом света победит Тора и тот «отступит на девять шагов», т. е. погибнет и окажется в Хель – обители мертвых, нижайшем из девяти миров мироздания [4. с. 526]. В англоязычном сказочном дискурсе мотив змееборства (драконоборства) продолжает оставаться актуальным; антагонизм человека и змея разрешается в результате тяжелой, выстраданной и в то же время безоговорочной победы героической сказочной личности.

Героическая сказочная личность может обладать особыми свойствами, дающими ей возможность одержать победу над противником, а может и не обладать ими. К первой категории персонажей относится Том Хикатрифт (Tom Hickathrift) – герой преданий, распространенных на территории Уисбеча (Кембриджшир) и Норфолка (Восточная Англия).

Исследователи творчества английского народа отмечают его поразительную силу и огромный рост, сочетающиеся с ленью и глупостью. Многочисленные подвиги Тома Хикатрифта, являющиеся демонстрацией нечеловеческой силы, находят детальное отражение в англоязычном сказочном дискурсе, среди которых наибольшую значимость имеет, пожалуй, убийство великана колесным валом его телеги. Исследователями традиционно отмечается двойственный характер образа Тома Хикатрифта, совмещающего в себе черты реально существовавшей в период Норманнского завоевания исторической личности и элементы северогерманских мифологических представлений[1].

Важнейшими чертами Тома Хикатрифта традиционно являются огромный рост, недюжинная физическая сила и отменный аппетит, сближающие его до определенной степени с его противником – великаном. Указание на огромный рост персонажа получает в сказочном дискурсе конкретное числовое выражение (he was already *eight feet high*; he was *six feet high, and three in thickness*) или манифестируется посредством сравнительных конструкций, в которых эталоном выступает знак глюттонического кода (and *his hand like a shoulder of mutton*). Математическая точность, с которой определяется рост героя, вряд ли имеет под собой какие-либо объективные основания, она, скорее, относительна и служит созданию представления о солидности и масштабности данной фигуры в сознании реципиентов. Сопоставление в сравнительных конструкциях соматических и глюттонических знаков приводит к актуализации в сознании реципиентов параметрических характеристик, имеющих устойчивые ассоциации с эталоном (величина бараньей лопатки), и перенесению их на объект сравнения (руку десятилетнего ребенка). Сопряженность со знаками соматического и глюттонического кодов сложных вербальных знаков с темпоральной семантикой (he was only *ten years old*; at *ten years old*) призвана реализовать идею необычности, чудесности героической личности с самого рождения.

Недюжинная физическая сила Тома Хикатрифта получает в англоязычном сказочном дискурсе преимущественно косвенную репрезентацию посредством знаков-объективов, квалификативов и процессивов, вводящих натурморфный, артефактный и параметрический коды (Tom flung the *enormous bundle* over his shoulders; having been offered *as great a bundle of firewood as he could carry, he marched off with one of the largest trees in the forest*; *flinging a huge hammer* into the middle of a river *a mile off*). Они служат характеристикой окружающих героя предметов и манипуляций с ними: для Тома не составляет труда перенести на плечах огромное дерево вместо вязанки хвороста или забросить огромный молот на милю в реку. Прямое указание на недюжинную силу народного героя реализуется посредством регулярно воспроизводимых устойчивых субстантивных словосочетаний с абстрактным существительным strength в качестве ядра: his *great* strength; his *mighty* strength; a fortunate man of *great* strength.

Величие персонажа связывается в сказочном дискурсе с такими его чертами, как свирепость в битве и безжалостность к врагам на поле боя, высоко оцениваемыми социумом (If Tom Hickathrift had been a hero before, he was twice a hero now). Безудержность и удаль, наряду с человеколюбием и милосердием персонажа, маркируются вербальными знаками, репрезентирующими манипулятивный, мортальный, соматический, военный,

[1] Jacobs J. More English Fairy Tales. London: David Nutt, 1894. Режим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/meft/index.htm.

нумерологический коды (*Tom had slain hundreds*; at every stroke he *cut off a joint*; *he lopped them off*; *there was not one in the company but what had lost a limb, the green grass being stained with their purple gore, and the ground strewn with legs and arms*).

В отдельных мифологических словарях Том Хикатрифт характеризуется как победитель великанов. Противостояние героя и великана детерминировано социальными факторами, в соответствии с которыми Том Хикатрифт выступает против притеснений и насилия существа гигантских размеров, т. е. находится на стороне пострадавших (there was a monstrous giant who kept part of the marsh-land, so that none durst go that way). Данное противостояние заканчивается неизбежной гибелью великана, приносящей освобождение пленникам и распределение среди жителей нечестно захваченных земель и богатств: The ground that the giant kept by force for himself, *Tom gave part to the poor for their common land*, and part he turned into good wheat-land to keep himself and his old mother, Jane Hickathrift (‘Tom Hickathrift’)[2].

Оппозиция «Том Хикатрифт vs великан» аксиологически маркирована и вербализуется посредством взаимоисключающих в ценностном отношении распространенных номинаций квазиреферентов. Левый элемент оппозиции маркируется положительно и отражает в самом общем виде систему разделяемых социумом ценностей: ср. *such a generous soul as Sir Thomas Hickathrift* vs *the monstrous brute, a great enemy to all the country*. Анализируемую оппозицию можно с полным правом рассматривать как манифестацию категории возвышенного, поскольку в широком историческом контексте она представляет собой противоборство человека с силами природы, окультуривание и подчинение диких, необузданных стихий.

Ко второй категории героических сказочных личностей относятся персонажи вообще не обладающие какими-либо особыми качествами, выделяющими их из человеческого сообщества. Их ярким представителем является еще один победитель великанов по имени Джек. Джеку не свойственны ни огромный рост, ни исключительная физическая сила, благодаря которым прославился Том Хикатрифт. У него больше, чем у других, проявляются природная смекалка, живой пытливый ум и изобретательность, которые он активно использует в качестве оружия против великанов: He was *brisk* and of *ready, lively wit*, so that nobody or nothing could worst him (‘Jack the Giant Killer’)[3]; He was *brisk* and of *a ready lively wit*, so that whatever he could not perform by force and strength he completed by *ingenious wit and policy*. Never was any person heard of that could worst him, and *he* very often even *baffled the learned by his sharp and ready invention* (‘Jack the Giant Killer’)[4].

В основе противостояния Джека и великанов лежат тождественные социальные факторы, поскольку великаны выступают в своей стереотипной роли обидчиков и угнетателей человеческого рода. Они грабят население, отбирают у жителей скот, захватывают людей в

[2] Jacobs J. More English Fairy Tales… Режим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/meft/index.htm.

[3] Jacobs J. English Fairy Tales. London: David Nutt, 1890. Режим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm.

[4] Hartland E. S. English Fairy and Other Folk Tales. London: Walter Scott, 24 Warwick Lane, Paternoster Row, 1890. Режим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.

плен и умерщвляют их. Джек успешно разрешает сложившийся конфликт между социальным и природным, цивилизованным и диким, и его победа знаменует торжество упорядоченного социума со своими ценностями и регламентациями над разбушевавшейся стихией.

Несмотря на сильную социальную составляющую образа Джека – Победителя великанов, в нем сконцентрированы архаические представления о культурных героях-демиургах и богах древности. Отдельные эпизоды сказочного повествования, касающиеся встреч героя с великанами, имеют параллели в скандинавской мифологической традиции (например поединок Тора со Скрюмиром). Сам Джек нередко отождествляется исследователями с богом-громовиком Тором, который, будучи покровителем плодородия, выполнял одновременно и воинскую функцию. Тора принято рассматривать не только как одного из верховных богов скандинавского пантеона, но и как культурного героя, защищающего Мидгард (мир людей) и Асгард (мир богов) от великанов и чудовищ. В его образе моделируется сам вооруженный народ. Соответственно, змееборство Тора – прообраз змее/драконоборства германских эпических героев (Беовульфа, Сигмунда и Сигурда) и английских сказочных персонажей [2. с. 546].

Мифологический мотив змее/драконоборства подвергается в сказочном дискурсе трансформации под влиянием системы христианских воззрений и ценностей. Хтонические чудовища становятся материальным воплощением Божьей кары, насланной народу за его собственные прегрешения или грехи его правителей[5]. В сказке «Лэмтонский змей» (‘The Lambton Worm’) страшное чудовище было послано жителям поместья лорда Лэмтона за богохульное и нечестивое поведение его наследника, который нарушал заповеди Божьи, не выполнял своих обязанностей по отношению к ближнему, сквернословил и игнорировал церковные установления:

Long, long ago – some say about the fourteenth century – the young heir of Lambton led a careless, profane life, regardless alike of his duties to God and man, and in particular neglecting to attend mass, that he might spend his Sunday mornings in fishing. One Sunday, while thus engaged, having cast his line into the Wear many times without success, he vented his disappointment in curses loud and deep, to the great scandal of the servants and tenantry as they passed by to the chapel at Brugeford.

Soon afterwards he felt something tugging at his line, and trusting he had at last secured a fine fish, he exerted all his skill and strength to bring his prey to land. *But what were his horror*

---

[5] В сказочном дискурсе присутствует эксплицитное указание на антихристианскую, языческую природу мифологических существ, детерминирующую их поступки: a mighty giant, *a follower of Mahomed*, who hath sworn to *destroy all Christians* (‘St George of Merrie England’) (см. Steel F. A. English Fairy Tales. London: Macmillan and Co. Ltd, 1918. Режим доступа: http://www.mainlesson.com/display.php?author=steel&book=english&story=_contents). Соответственно, в сказочном тексте реализуются два вида противопоставления, первое из которых построено на собственно мифологических основаниях (*a*), а второе является результатом воздействия на систему архаических представлений христианской религии (*b*):
a) “How do, *Man*?” “How do *Dragon*,” says Jim (‘The Knucker of Lyminster’) [6. с. 68]. Также: To all the rest he was simply ‘*The Man who killed the Dragon*’ [6. с. 70];
b) “Fee, *fi*, fo, fum, / I smell the blood of *a Christian man*, / Be he dead, be he living, with my brand, / I'll dash his brains from his brain-pan.” And then the folding doors of the hall were burst open, and *the King of Elfland* rushed in (‘Childe Rowland’) (см Jacobs J. English Fairy Tales. London: David Nutt, 1890. Режим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/index.htm).

and dismay on finding that, instead of a fish, he had only caught a worm of most unsightly appearance (‘The Lambton Worm’)[6].

Для номинации напасти подобного рода в сказке использован сложный вербальный знак mortal plague, в котором ядерный элемент первоначально обозначал наказание, посланное свыше (например the ten plagues of Egypt – десять казней египетских), т. е. функционировал в качестве религиозного термина. Впоследствии лексема подверглась переосмыслению и приобрела значения «чума, моровая язва», «неприятность, досада, беспокойство»: …thou hast come hither in an ill time, when those alive are scarcely able to bury the dead by reason of the cruel destruction waged by a terrible dragon, who ranges up and down the country by day and by night. If he have not an innocent maiden to devour each day, he sends *a mortal plague* amongst the people (‘St George of Merrie England’)[7].

Соответственно, освобождение людей от такой страшной напасти под силу далеко не каждому представителю рода человеческого: *Many tried to destroy the Worm, but all had failed, and many a knight had lost his life in fighting with the monster*, which slowly crushed the life out of all that came near it (‘The Lambton Worm’)[8]; *Many a gallant knight had come out to fight with the monster, but all to no purpose*; for it possessed the marvellous power of reuniting itself after being cut asunder, and thus was more than a match for the chivalry of the North (‘The Lambton Worm’)[9]. Спасителем человечества выступает либо лицо, посвятившее свою жизнь защите интересов христианской церкви и религии (St George of Merrie England; the gallant heir of Lambton *returned from the wars of Christendom*), либо лицо, способное на искреннее покаяние, вставшее на праведный путь и обладающее качествами христианского идеала (At last the Childe of Lambton came home to his father's Hall, *after seven long years spent in meditation and repentance on holy soil*).

Полная победа героической личности, воплощающей в себе нравственный христианский идеал, над силами зла невозможна без помощи и заступничества высших сил, обращение к которым маркируется в сказочном дискурсе номинациями действий и процессов религиозного обрядового характера и действий верховного существа в мире (*trusting the issue to Providence* and his good sword; *he passed his vigils in Brugeford Chapel*; the heir, now a belted knight, *made the vow in Brugeford Chapel*; he *commended himself to the will of Providence*).

Помимо героической сказочной личности идеализации в сказочном дискурсе подвергается и деятельность, направленная на преобразование действительности. Субъектами подобной деятельности выступают не только герои-люди, но и существа, мощь которых делает возможными масштабные преобразования, характеризуемые посредством квалификативов gigantic (operations) и stupendous. Наибольшей гиперболизации реальные трудовые действия получают при создании родственных великанам образов персонажей гигантского размера, не обладающих магическими способностями (the Giant Road-Maker of

---

[6] Hartland E. S. English Fairy… Режим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.

[7] Steel F. A. English Fairy Tales. London: Macmillan and Co. Ltd, 1918. Режим доступа: http://www.mainlesson.com/display.php?author=steel&book=english&story=_contents.

[8] Jacobs J. More English Fairy Tales… Режим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/meft/index.htm.

[9] Hartland E. S. English Fairy… Режим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm.

Mulgrave, Wadda, Wade, Bell): In the building of Mulgrave and Pickering castles, Wade and his wife, whose name was Bell, divided their labours, a single giant being sufficient for rearing each castle; but, having only one hammer between them, it was necessary to toss it backward and forward, giving a shout every time it was thrown, that when the one threw it to Mulgrave or to Pickering the other might be ready to catch it! (‘Wade and his Wife’) [7. c. 239].

Только гигантам под силу создать величественные сооружения на благо и процветание людей, которые имеют и ритуальное, и бытовое назначения: To their gigantic operations are ascribed *the castles of Mulgrave and Pickering*, *the Roman road* supposed to communicate between them, *several Druidical stones* in the vicinity, with *other works equally stupendous* (‘Wade and his Wife’) [7. c. 239]. В образах социализированных великанов, таким образом, в символической форме представлена обузданная природная стихия, потерявшая свои пугающие черты и поставленная на службу человечеству.

Соответствующие мифологические мотивы в некоторых случаях могут быть скрыты новыми напластованиями социального характера. Например, на смену великанам-строителям в англоязычном сказочном дискурсе приходят люди-зодчии, одним из ярких представителей которых является Гоб-строитель. Имя Gobborn Seer трактуется исследователями как искаженное ирландское Goban Saor[10], используемое для обозначения странствующего плотника, богоподобного героя, ирландского двойника скандинавского кузнеца Велунда – правителя светлых альвов. В кельтской мифологии аналогом кузнеца Велунда можно считать Гоибниу, бога-кузнеца, входившего в триаду богов – покровителей ремесел.

В англоязычном сказочном дискурсе в образе Гоб-ан-Шора воплотились представления не только о Гоибниу, но и о его брате – покровителе плотников по имени Лухтэйн, поскольку английский Гоб-строитель считался непревзойденным специалистом в области зодчества (одним из средств его номинации является лексема castle-builder). Рассказчик акцентирует внимание слушателей именно на мастерстве героя посредством использования прилагательных положительной семантики, в том числе и в превосходной степени; особых усилительных конструкций; сравнительных конструкций и производных глаголов, в которых приставка передает значение превосходства (build *the finest castle that ever was seen*; to *outdo all others* by his *wonderful castle*; started building of the this *castle which was to outshine all others*; had built such a castle *thousands were gathered to admire it*; would carry their art away and build some other king *as fine a castle*).

Таким образом, возвышенное репрезентирует процесс отвоевывания человеком свободы и независимости у окружающей его природы. Укрощение природной стихии человеком фиксируется в мотиве противоборства героической личности с творящими зло мифологическими персонажами, в большинстве случаев представленными чудовищами. Мифологические чудовища воплощают собой хаос, неорганизованную материю, лежащую в основе упорядоченного мира и несущую космосу зримую угрозу разрушения. Наделение великанов и драконов асоциальными функциями и религиозными антиценностями рационализирует борьбу героев с ними, наполняет ее значимыми для социума смыслами.

[10] Jacobs J. More English Fairy Tales… Режим доступа: www.sacred-texts.com/neu/eng/meft/index.htm.

Выполнение сказочным героем протективной функции, имеющей целью сохранение законов и ценностей своего социума, приводит к его идеализации, к созданию в сказочном дискурсе обобщенной героической личности. Основу образа героической сказочной личности, тем не менее, составляют архаические представления о культурных героях и божествах древности, принимавших активное участие в мироустройстве. Отдельными чертами героической личности могут обладать и подвергшиеся социализации мифологические персонажи, идеализация которых проявляется в гиперболизации созидательных, преобразовательных действий средствами разноуровневых языковых единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борев Ю. Б. Эстетика. М.: Высш. шк., 2002. 511 с.
2. Мифология: энцикл. / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Большая Рос. энцикл., 2003. 736 с.
3. Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967. 318 с.
4. Скандинавская мифология: энцикл. / Сост. и общ. ред. К. М. Королева. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 592 с.
5. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции (опыт этнолингвистического исследования): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1998. 31 с.
6. Народные сказки Британских островов: сб. / Сост. Дж. Риордан. М.: Радуга, 1987. 368 с.
7. Briggs K. M. British Folk-Tales and Legends: A Sampler. London & New York: Routledge Classics, 2002. 373 p.

O. A. Plakhova

LINGUISTIC SEMIOTICS OF THE SUBLIME IN ENGLISH FOLK TALE DISCOURSE

The category of the sublime in English folk tale discourse represents the process of retaking freedom from nature by a human. It seems an open confrontation between a folk tale heroic figure and a giant or a dragon/worm based upon social factors. The main point of the sublime is manifested by a set of verbal and non-verbal (naturmorphic, artifact, military, somatic, mortal, esoteric and other codes) signs.

English folk culture, folk tale discourse, mythological consciousness, mental model, linguistic semiotics, the category of the sublime, folk tale heroic figure, cultural code, linguistic sign